

общества и государства, а равно отдельных лиц и личным пространством человека.

Список цитированных источников

1. *Мирошниченко, Д. В.* Аксиологический и формальный аспекты юридического познания (на примере уголовно-правовой науки) / Д. В. Мирошниченко // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2015. – № 3. – С. 61–66.
2. *Хилюта, В. В.* Глобальная инструментализация уголовного права как новая реальность / В. В. Хилюта // Юристы-Правоведъ. – 2020. – № 3. – С. 40–47.
3. *Жалинский, А. Э.* Избранные труды: в 4 т. / отв. ред. О. Л. Дубовик. – Т. 2: Уголовное право. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 591 с.
4. *Хилюта, В. В.* Уголовное право в эпоху перемен / В. В. Хилюта // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. – 2022. – № 3. – С. 7–13.

УДК 343.3

О СОСТОЯНИИ И СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОПОРЯДКА

Хомич Владимир Михайлович

*доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин, учреждение образования
«Белорусский государственный экономический университет»,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Республика Беларусь,
ul.khomich@tut.by*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с социально-правовым осмыслением кризисных явлений в международном уголовном праве. Указывается, что современный кризис права и правовых систем, изначально обозначаемый как правовой нигилизм, связан с размыванием антропологической системы правообразования, в основе которого лежат разумные культурологические начала общественного существования человека как базового носителя национального и международного права и правопорядка, способов и систем его защиты на национальном и международном уровнях. В своей основе уголовное право небезопасно не только для потенциального преступника, но и для человека, общества, самого государства и международного правопорядка, когда доминирующими факторами в формировании правопорядка и уголовной политики является не человек с его обычными и понятными притязаниями на внутреннюю и институциональную безопасность и свободу, а элитарные интересы безопасности глобальной олигархической власти – международных элит, господствующих и экономически, и политически.

Ключевые слова: международное уголовное право, криминологическая составляющая международной безопасности, верховенство международно-

го и национального права, интересы человека и человечества в международном и национальном праве, криминология безопасности публичного правообразования, международно-правовой контроль преступности.

ON THE STATE AND SYSTEM OF ENSURING CRIMINOLOGICAL SECURITY OF THE INTERNATIONAL LEGAL ORDER

Uladzimir Khomich

Doctor of Law, Professor, Professor

*at the Belarusian State Economic University, 26 Partizansky Ave., 220070,
Minsk, Republic of Belarus, ul.khomich@tut.by*

Abstract. The article deals with issues related to the social and legal understanding of crisis phenomena in international criminal law. It is pointed out that the modern crisis of law and legal systems, originally designated as legal nihilism, is associated with the erosion of the anthropological system of law formation, which is based on reasonable cultural principles of human social existence as the basic bearer and mother of national and international law and the rule of law, methods and systems of its protection at the national and international levels. At its core, criminal law is unsafe not only for a potential criminal, but also for a person, society, the state itself and the international legal order, when the dominant factors in the formation of the rule of law and criminal policy are not a person with his usual and understandable claims to internal and institutional security and freedom, and the elitist security interests of the global oligarchic power – the international elites, ruling both economically and politically.

Key words: international criminal law, criminological component of international security, supremacy of international and national law, interests of man and humanity in international and national law, criminology of the security of public law formation, international legal control of crime.

Национальное и международное уголовное право не могло оставаться в стороне от негативных процессов, глобально развивающихся в человеческом сообществе. Более того, право в целом, включая международное, за последнее десятилетие претерпело существенные изменения и далеко не позитивного характера. В ракурсе рассматриваемой проблемы охранительная функция уголовного национального и международного права должна была бы динамично корреспондировать исключительно в русле с позитивно регулирующей функцией права. Однако такового не происходило. Поэтому сегодня глобальный вопрос на предмет того, по какому пути будет развиваться уголовное право, сумеет ли оно сохранить свои классические институты, будет ли оно выстраиваться в направлении глобального уголовного права или права отдельного государства, в рамках усиления функции безопасности государства или же в русле приоритета уголовно-правовой охраны прав и свобод человека, должно ли уголовное право оставаться

правоохранительным для человека и человечества или же карательным инструментом в руках государства, в том числе против других государств в системе сложившихся международных правовых отношений, остается крайне неопределенным. И причина в том, что все, более или менее суверенные и не суверенные власти и государства устремились к локальному или международному господству, тотальному доминированию, к идее сверх национального превосходства одних систем над другими, при этом без учета мнения и деятельного участия большинства человеческого сообщества и собственных граждан. Сегодня очертания этой политики обнаруживаются не просто в кризисе современного миропорядка, а в катастрофическом трагизме современного бытия человечества, простых граждан. По этой причине «общественное сознание далеко не всегда сегодня демонстрирует безоговорочную готовность адекватно воспринимать эту реальность и соответствовать ей, что делает его неоднородным, разрозненным, противоречивым, нестабильным и как результат – потенциально высоко криминогенным» [1, с. 182].

Технолизация, точнее самотехнолизация политико-организованного властного сообщества породила новую социально-классовую стратификацию политически-организованных общественных систем. Фактически в рамках политически организованных государственных систем завершилось оформление сосуществования двух *легальных порядков организации социальной жизни членов гражданского общества* – *значительно большая часть* с доминированием ценностей *выживания* и значительно меньшая часть – с доминированием ценностей *самовыражения* (наступила так называемая эпоха проектного капитализма [2, с. 227; 3, с. 34–35; 4, с. 57]. Правовые установления эпохи проектного капитализма на национальных уровнях сформировались и поддерживаются системой глобальной олигархической власти (ГОВ), которая ориентирует зависимые и независимые государства ориентироваться в организации функций права на приоритетное обслуживание и защиту элитарных интересов власти. Именно ГОВ олицетворяет вещное, потребительское начало, стремящееся *задавить* начало духовное. Согласно семантической концепции воспроизводства современной преступности, она (преступность) – «это, помимо прочего, свойство... глобального общества» в лице системы глобальной олигархической власти «воспроизводить чрезвычайное зло» [5, с. 13] в виде организации банковско-финансовых кризисов, развязывания агрессивных войн и управления государственными переворотами в суверенных странах [6, с. 46], революциями разных цветов. Этот процесс воспроизводства преступлений обладает планетарным единством и эпохальным своео-

бразием. Сегодня это своеобразие заключено в тотальном подавлении системой глобальной олигархической власти (ГОВ) духовных начал социального бытия человека, заменой их ценностями непотребительского и нерационального обогащения.

Как отмечал А. П. Данилов, именно духовность мешала и мешает «сделать все на этой планете товаром, у которого будет один продавец – глобальная олигархическая власть (ГОВ), желающая продавать нам и свободу» [7, с. 41] и превратить систему воспроизводства преступности в экономический оборот уничтожения ненужного товара, включая и человеческий.

Столь масштабное влияние системы глобальной олигархической власти на формирование деструктивно-кризисных состояний современного правопорядка в различных государствах в своих геополитических интересах стало возможным вследствие продолжаемого конфликта между бедностью и богатством как на глобальном, так и на национальном уровнях политико-организованных государственных образований вследствие криминогенности господствующей модели современной экономики, ориентированной на удовлетворение элитарных олигархически-властных интересов обеспечения безопасности публичной власти. В этой модели доминирует ростовщическо-спекулятивный интерес, а поэтому независимо от задаваемых программ и стратегий предается забвению интерес производственно-человеческий. Иными словами, как пишет В. В. Колесников, интересы тех, кто создает экономические блага (товары и услуги) и вносит реальный вклад в экономический прогресс общества ушли на второй, даже десятый план [8, с. 163–164]. Основными жизненными ценностями человеческого бытия стали постижение богатства и (или) власти, при очевидном осознании того, что богатство без власти или без ее поддержки не достижимо [9, с. 156–160]. Политико-организованные общества (государства) вольно или невольно, конечно, с разной степенью обостренности, сформировали новую классовую стратификацию общества, основанную на отчуждении большинства людей (граждан) от правового пространства, формируемого политической элитой публичной власти. Потерялись смысловые антропологические ориентации нормального и безопасного бытия для простого человека. Общество провластного распределения не оставляет человеку выбора как самоизоляции ради самосохранения. Это свойство самосохранения – быть просто живым, к сожалению, с легкостью оборачивается возможностью стать жертвой глобальной международной или национальной олигархической власти, для которой жизнь человека как живого существа ничего практически не стоит, всегда может быть поставлена под вопрос политической

целесообразности и стать разменной монетой [10, с. 46]. В этом и состоит онтологический трагизм современного этапа развития человеческой цивилизации и неопределенность как национально-правовых, так и международно-правовых векторов выхода из нее. Человечество пребывает в состоянии чрезвычайного положения. И самое опасное, что «чрезвычайное положение предстает... как правовая форма того, что правовой формы иметь не может» [11, с. 6], а действительное право утрачивает свою гуманитарно-регулирующую функциональность [12, с. 58].

Сегодня невозможно однозначно определить, что есть добро и зло, мир и война, преступления против человечности и военные преступления, банальные человеческие страсти и конфликты, проявляющие неосознаваемое несогласие с господствующей волей, объявляются проявлением правонарушающих девиаций, а аморальное поведение ответственных субъектов международно-правового регулирования и примирения становится данностью и активно внедряется в политическую и общественную жизнь суверенных государств. Иначе говоря, сегодня происходит социальное расчеловечивание человека, когда сам человек не хочет делать нравственного выбора, а предпочитает упростить жизненные ценности и сам подход к их пониманию. Гуманистическая составляющая уступает место иной. Человек становится чужд другому такому же человеку и стремится жить в виртуальном мире, не обращать внимания на происходящие в обществе события. Человек формируется и обретает своей нравственный облик в рамках тех ценностей, *которые он переживает и посредством которых* формируется его способность к адекватной оценке событий, происходящих в жизни многих людей. В свою очередь нравственное воспитание достойного гражданина своего отечества предполагает демократический и ответственный правовой формат взаимодействия гражданского общества и сформированных институтов публичной власти, в том числе и в области уголовно-правового контроля преступности. К сожалению, это фундаментальное направление в правовой политике сегодня нуждается в обновлении [13, с. 168–202], поскольку было утрачено вследствие процесса глобализации 2001–2020 гг. и масштабной тотальной пандемии 2020–2021 гг. Они и обнажили и за пределами обострили проблему самоидентификации и самосохранения человека, обеспечения его прав и свобод, точнее выявили глубокий системный кризис, заключающийся в неспособности сформированных государственных институций обеспечивать достойную и безопасную жизнь собственных граждан. Это касается и систем защиты собственных граждан от реальных криминальных угроз, как внутренних, так и внешних, хотя

уже давно очевидно, что исходные (основные) причины преступности *остаются неизменно прежними*. Коренятся они в объективных и субъективных, социально-экономических проблемах и противоречиях социальной жизни людей, с одной стороны, и, с другой стороны, в нашей *неспособности (?) посредством рационального правового регулирования и обоснованного правового принуждения* совместить экономический прогресс, частную собственность, частную инициативу с социальной защищенностью людей, консолидированной социальной справедливостью и равенством.

К сожалению, после завершения кровопролитной второй мировой войны и выработки международно-правовых стандартов обеспечения мирного сосуществования суверенных государств мировой правопорядок и его правовые скрепы рухнули под натиском системы глобальной олигархической власти и в реальной политической практике были заменены политическим манипулированием и усмотрением в интересах власть держащих олигархических элит [14, с. 26].

На национально-государственном уровне переосмысление ценностей и базовых конструкций построения правовых отношений происходило под углом зрения обеспечения не безопасности человека, а безопасности общества и государства в целом, т. е. акценты тотальной глобализации всех сфер общественной жизни были смещены на региональное развитие, защиту и обеспечение безопасности государства в первую очередь. Право вообще и уголовное право было сориентировано на защиту интересов своего социума и территории, принимая во внимание ментальные и субъективные предпочтения конкретных государств и лиц, их населяющих. Отсюда неизбежны институциональные преобразования в правовой и международной политике сепаратистского характера. Поэтому суть предстоящих правовых реформаций нам видится в свободном и суверенном *«подстраивании»* национального права, при этом *не путем* его прямолинейной и буквальной унификации и стандартизации, а посредством его преломления через призму собственных интересов, обеспечения их универсальной защиты и при естественном, а ненадуманном понимании того, что есть право в целом, и насколько оно глубоко способно вторгаться в сферу регулирования общественных отношений, какие меры воздействия в данном случае являются оптимальными и эффективными, наконец, каковы пределы механизма правового регулирования и сферы действия национального и международного законодательства [15, с. 46–47]. Все указанные реформации правового и политического характера, проходившие по приоритету обеспечения национальной (региональной) безопасности не могли не сказаться на падении автори-

тета норм международного права, его расслоения, произвольного понимания и применения в угоду геополитических интересов государств, владеющих на международном уровне контрольным пакетом влияния и принуждения в системе глобальной олигархической власти.

О кризисе в международном праве и международной юстиции стали говорить сразу после распада СССР. Это и понятно, поскольку фактически из правового поля коммуникации субъектов международного права был исключен один из самых влиятельных и правообеспечивающих международную безопасность субъект, сдерживающий глобально-американизированную «олигархию» в ее стремлении поглотить суверенные цивилизации [16, с. 19–20], в том числе созданные на просторах бывшего СССР, или расчленив до этнической и государственно-правовой неопределенности некогда единые суверенные государства (трагическая судьба Югославии, Сербии и др.).

Несмотря на то, что международное право и международная юстиция (включая уголовную) создавалась и ассоциировалось с надеждой человека на счастливую судьбу, на мир и справедливость, отсутствие угнетения одним народом другого, откровенно агрессивные действия последних лет со стороны государств, входящих в систему глобальной олигархической власти, их нарастающая периодичность уже не просто тревожат, а дают основание полагать о системном бессилии международного права и его институциональных международных образований. И кризис этот не просто системно-международный, он системно и функционально увязан с государствами и национальными правовыми системами таких государств, которые все более ориентированы на соблюдение элитарных интересов властвующих членов общества, а не трудового человека. Поэтому критический взгляд на современное международное право необходим в равной мере и в отношении национального права. О том, что «расползание» международного права происходит вследствие разноплановости интересов противоборствующих государственных систем, претендующих на доминирование социальной рациональности их общественного и политического устройства (далеко и не всегда устроенных по принципу соблюдения и обеспечения верховенства прав человека), сегодня более чем очевидно для всех субъектов международного права. Кризисную ситуацию в международной юстиции В. Д. Зорькин связывает с «распространением на сферу международных отношений норм прецедентного англосаксонского права. Речь идет, как отмечает автор, о том, что американская и британская правовые системы все чаще позволяют себе выход за пределы национальных границ, используя национальные судебные прецеденты для преследования подозреваемых вне национальной территории»

[17]. Между тем, возрастающее влияние прецедентного права (скорее «общего права» – «common law») на развитие международного права и международной юстиции неизбежно и необходимо в связи с утратой позитивным (государственным) правом естественно-человеческих ценностей в его содержании и коммуникации. Положительным моментом процесса интеграции в международном праве так называемого общего права является устранение фрагментации международного права, коллизий и конкуренций юрисдикций, судебных решений и др.

В свою очередь отрицательно сказалось на авторитете международного уголовного права и международной уголовной юстиции создание и деятельность специальных международных судов (в частности Международного трибунала по бывшей Югославии и др.), что подорвало доверие мирового сообщества в беспристрастность уголовно-правового преследования, проводимого на произвольном и одностороннем толковании соответствующих норм международного уголовного права в угоду геополитическим интересам глобальной олигархической власти. Это подтолкнуло международное сообщество к необходимости создания независимого и постоянного суда для разрешения дел, связанных с геноцидом, военными преступлениями и преступлениями против человечности. В июне 1998 г. Генеральная Ассамблея ООН созвала конференцию для учреждения международного уголовного суда и 17 июля этого года Римский статут был принят. При всем неоднозначном, а в ряде случаев откровенно негативном отношении к указанному статуту международного уголовного суда, это вполне сбалансированный международно-правовой акт, позволяющий на договорно-правовой основе с использованием правовых позиций, заложенных в национальном уголовном праве, и правовых позиций общего права противодействовать криминальному разрушению человеческой цивилизации, международного и национального миропорядка. Надо договариваться, ибо иного пути нет и будет он непростым, поскольку криминогенный фон современной системы международного, да и национального правообразования породил серьезные угрозы для современного миропорядка человеческих сообществ с весьма негативными криминогенными последствиями, включая преступность ненависти и насилия – агрессия, терроризм и тому подобное, что Л. Н. Гумилев применительно к праву в целом называл «*принципом отрицания права на несходство*», наконец, принципом отрицания права на равенство. На сегодня это одна из фундаментальных проблем, связанных с пониманием, социальным предназначением норм уголовного права о преступлении и наказании, на основе которых эта отрасль обособляется в правовой системе в качестве самостоятельной и исключи-

тельно правоохранительной (хотя это уже не так). Сказанное относится ко всему спектру проблематики понимания права в целом, в том числе определение понятия уголовного права, его сущностных черт и содержания, иными словами, обращение к его исходным положениям для решения ключевых методологических проблем криминологии уголовного права, криминологического понимания преступления, криминологической оценки современных правовых систем и их влияния на обеспечение международно-правовой стабильности.

Сегодня отсутствуют согласованные взгляды даже на проблемы, решение которых должно способствовать определению реальной «зоны ответственности» уголовного права. С одной стороны, имеются необоснованно завышенные ожидания от этой правовой отрасли, стремление расширить границы ее применения и использовать уголовно-правовые средства для решения чуть ли не всех значимых общественных проблем, в стремлении включить в предмет уголовно-правового регулирования все охраняемые уголовным законом общественные отношения и тем самым использовать уголовное право для регламентации экономических, политических, идеологических и иных отношений. Отсутствие в науке согласия в понимании границ уголовного права приводит на практике к многочисленным хаотичным, бессистемным и внутренне противоречивым изменениям уголовного закона, которые получают неоднозначную оценку в обществе, ведут к отчуждению большинства членов общества от позитивного права, формируемого государством.

Криминологический дискурс формирования того, что должно признаваться преступным формируется на государственных платформах (концепциях) национальной безопасности. В этом понятии сфокусированы болевые точки и недоразумения нашей отечественной криминологии. С точки зрения элитарных интересов власти обеспечение национальной безопасности в ее понимании требует избирательного подхода к криминологическим исследованиям и ее результатам. Отсюда достоверное и объективное криминологическое знание не востребовано и не функционально. Национальное уголовное право и деятельность уголовной юстиции сегодня систематизируются и развиваются в дискурсе обеспечения национальной безопасности. Отсюда функциональный разрыв между предметностью криминологических исследований и использованием их результатов в законодательной и правоприменительной деятельности уголовной юстиции, включая и неоднозначные подходы государств к пониманию и толкованию международных преступлений. Поэтому первостепенная задача криминологии состоит в том, чтобы обеспечить многомерный структурированный криминологический анализ феномена национальной

безопасности. Методологические основания для этого в криминологической науке есть [18; 19, с. 219–226; 20, с. 66–74]. К сожалению, сегодня человек все больше вытесняется из правового поля защиты национальных интересов безопасности на том основании, что для защиты человека, его прав и интересов уголовный закон якобы не был изначально предназначен. Между тем, онтологическим основанием для обеспечения единства уголовного права и криминологической безопасности государства может быть только человек и его интересы. Без *улучшения качества его внутренней жизни* решить базовые задачи обеспечения национальной безопасности невозможно [21]. В свою очередь, только на основе криминологической реальности и ее человекомерной оценки должны формироваться границы преступного и наказуемого поведения и понимание их сути – иного пути у криминологии и уголовного права нет и не может быть. Криминология должна уходить из системы идеологического обслуживания и выстраиваться методологически как социально-оценочная и антропологическая технология возникновения, существования и самоуничтожения преступности.

Конечно, уголовно-криминологический и уголовно-политический аспекты имеют много *общего, более того они должны быть едины*. Вопрос лишь состоит в том, как обеспечить это единство. Просто говорить о криминологическом содержании современной преступности без выяснения в ней роли не вполне понятных и рассогласованных интересов политико-организованной власти уже невозможно. В этой связи не следует допускать в уголовном праве наблюдаемую сегодня тенденцию политизации криминальных правонарушений. В настоящем контексте политизация криминальных правонарушений или «политизация зла» – по меткому криминологическому определению Г. Г. Горшенкова – это процесс криминализации явлений, процессов и его результат как средство криминальной политики конкретных государств [22, с. 14–25].

По мнению Д. А. Шестакова, сегодняшние преступноведческие науки должны сосредоточить внимание на опасном для мира состоянии глобальной олигархической власти и в этой связи обеспечить криминализацию на уровне международного уголовного права «зарубежное участие в смене государственной власти», «деятельность, направленной на воспрепятствование воспроизводству народом своей идентичности: языка, культуры, самосознания» [23, с. 124–127].

Завершающими положениями настоящего повествования хотелось бы заключить, что новая правовая рациональность невозможна без высокой степени интегративности права, учета многообразия форм права и моральных оттенков права, без обеспечения социальной обусловлен-

ности права, развития его культурологического содержания. Полностью разделяю взгляды тех теоретиков права, которые исходят из того, что современная модернизация объективного права (национального и международного), возможна. Но для этого необходимо собственную автономную безопасность в системе общественных институтов и позитивное регулирующее воздействие публичного права ориентировать на обеспечение безопасности человека и человечества.

Список цитированных источников

1. Пудовочкин, Ю. Е. Постмодерн идей и уголовно-правовое воздействие: к постановке проблемы / Ю. Е. Пудовичкин, М. В. Бавсун // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2018. – № 1. – С. 181–189.

2. Болтански, Л. Новый дух капитализма / Л. Болтански, Э. Кьяпелло. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 976 с.

3. Назаров, В. С. Мир и дух проектного капитализма / В. С. Назаров. – М.: ФГ-БОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2014. – 56 с.

4. Шиханов, В. Н. Проблема классовости и равенства в уголовном праве: социолого-правовой анализ // Правоведение. – 2022. – № 1. – С. 43–68.

5. Шестаков, Д. А. Теория преступности и отраслевая криминология / Д. А. Шестаков. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2015. – 430 с.

6. Смирнов, Л. Б. Россия и Украина как объекты посягательства глобальной олигархической власти / Л. Б. Смирнов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2015. – № 2 (37). – С. 46–50.

7. Данилов, А. П. Преступность мировой экономики – нет свободе! / А. П. Данилов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2016. – № 1. – С. 40–41.

8. Колесников, В. В. Криминогенность современных моделей экономики – ключевой фактор детерминации мирового финансово-экономического кризиса / В. В. Колесников // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2010. – № 1 (18). – С. 163–191.

9. Березина, Е. А. Технологизация правовой действительности как новый вектор развития общества / Е. А. Березина // Философия права. – 2022. – № 2. – С. 156–160.

10. Саямов, Ю. Биоэтика в международных отношениях / Ю. Саямов // Международная жизнь. – 2022. – № 8. – С. 44–55.

11. Агамбен, Дж. Ното sacer: Чрезвычайное положение / Дж. Агамбен. – М.: Европа, 2011. – 148 с.

12. Яркеев, А. В. Чрезвычайное положение как предельное состояние социального бытия / А. В. Яркеев // Науч. вестн. Омской акад. МВД России. – 2018. – № 1 (68). – С. 55–60.

13. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналитический доклад / И. М. Рагимов [и др.]. – СПб.: ООО «Юридический центр-Академия», 2019. – 334 с.

14. Безбородов, Ю. С. Международное право и мировой правопорядок: девальвация или трансформация? / Ю. С. Безбородов, Р. М. Халафян // Закон. – 2022. – № 8. – С. 13–29.

15. Хиллута, В. В. Глобальная инструментализация уголовного права как новая реальность / В. В. Хиллута // Юрист-Правовед. – 2020. – № 3. – С. 45–48.

16. Шестаков, Д. А. «Exnihilonihil» или «conditosinequanon»? / Д. А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 1 (24) – С. 18–21.
17. Зорькин, В. Д. Верховенство права и императив безопасности // Российская газета. – 2012. – 16 мая.
18. Щедрин, Н. В. Введение в правовую теорию мер безопасности: моногр. / Н. В. Щедрин. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1999 – 180 с.
19. Щедрин, Н. В. Меры безопасности и (или) права человека? / Н. В. Щедрин // Социальный контроль над преступностью: что делать?: материалы XXXII Международ. Балтийской конф. / под ред. Я. И. Гилинского. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – С. 219–226.
20. Бовсун, М. В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья III. Амбивалентность права в контексте биополитической стратегии государства / М. В. Бовсун, Д. В. Попов // Науч. вестн. Омской акад. МВД России. – 2021. – № 1 (80). – С. 66–74.
21. Рыбак, А. З. Криминология в человеческом измерении: новая методология / А. З. Рыбак. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 296 с.
22. Горшенков, Г. Н. Политизация зла / Г. Н. Горшенков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – № 3 (34). – С. 14–25.
23. Шестаков, Д. А. Преступные подсистемы: криминологические исследования / Д. А. Шестаков // Ценности права и гражданско-правового образования в современном мире: к 20-летию создания юридического факультета РГПУ им А. И. Герцена. – СПб.: РГПУ, 2023. – С. 124–127.

УДК 343.27

ИНСТИТУТ ЗАМЕНЫ БОЛЕЕ СТРОГИМ НАКАЗАНИЕМ ПРИ ЗЛОСТНОМ УКЛОНЕНИИ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ

Шевцов Юрий Леонидович

*кандидат юридических наук, доцент, проректор по учебной работе
учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО», ул. Казинца, 21/3, 220099,
г. Минск, Республика Беларусь, shevtsov4@gmail.com*

Аннотация. В статье исследуются вопросы противодействия уклонению осужденных от отбывания назначенного судами наказания в виде общественных работ. Рассмотрена корреляция сокращения количественных показателей осуждения к наказаниям без изоляции от общества, статистика назначения судами общественных работ, злостного уклонения осужденных от отбывания данного наказания, сравнительный анализ и эволюция законодательства по вопросу об ответственности за злостное уклонение от отбывания наказания.

Ключевые слова: наказание, злостное уклонение от отбывания общественных работ, замена неотбытой части наказания более строгим наказанием при злостном уклонении от отбывания общественных работ.